

*Михаил
Александров*

Честь имею...

Капитан Волошин

Михаил Александров

**Честь имею... капитан
Волошин. Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Александров М.

Честь имею... капитан Волошин. Сборник рассказов /
М. Александров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937305-2

Сборник рассказов о службе, о войне, о людях и судьбах. Все совпадения имён и фактов совершенно случайны. Рассказы являются художественными произведениями.

ISBN 978-5-44-937305-2

© Александров М.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Часть 1. Иди	7
Свечка	7
Иди	11
Путь в музыканты	13
Записки вертухая. Шнырь	27
Старики	29
Три письма	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Честь имею... капитан Волошин

Сборник рассказов

Михаил Александров

© Михаил Александров, 2018

ISBN 978-5-4493-7305-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Сборники моих рассказов можно назвать автобиографичными. А почему только можно назвать? Да, потому, что пишу я, в общем-то, о себе, но не только. Так, как всегда находился среди людей, в гуще событий, то и рассказы получаются о людях, которые были рядом. О событиях, которые нам приходилось проживать, или переживать вместе. Вот и получается, что я только рассказываю, как непосредственный участник, как современник тех людей, о ком мои повествования.

Не имея ни какого литературного, или специального образования, пишу я просто, как говорю. И события, описанные мною просты и не затейливы, как жизнь простого обычного человека. Например, фотограф, выхватывает миг, эпизод жизни, даже вечности, и фиксирует. Так и я в своих рассказах, фиксирую эпизоды жизни.

В первой главе своих рассказов я пишу о призыве в армию, а так же, немного о службе, быте, взаимоотношениях и конечно о людях. Происходило это не сейчас, давно, когда служба в рядах Вооружённых Сил была почётной обязанностью гражданина. Когда среди нас не было понятия «откосить», и не служить считалось чем-то почти стыдным. Такие мы были «совки», и я, и мои друзья.

Часть 1. Иди

Свечка

Гул приближающегося трактора баба Маня услышала задолго до того, как сам трактор в деревню въехал. Сначала подумала, что кто-то едет на полустанок, мимо деревни, задворками. Но рокот приближался. – Кто же это к нам, хлеб только через два дня, не случилось ли чего? Может из сельсовета кто, или из правления, так зачем мы им, работающих в деревне нет, одни старые пенсионерки. – Баба Маня прильнула к окну, весеннее солнце уже вычистило стёкла от кружевных узоров. Красный трактор, грохоча гусеницами, раскачиваясь, ехал прямо к её дому, и качнувшись пару раз, застыл у палисадника.

На землю соскочил Толька Ножкин, и обежав трактор вокруг, услужливо открыл дверцу. Осторожно ступив на гусеницу, в снег спрыгнул мужик, в богатом пальто, с воротником. Потом обернулся, вытащил сумку и помог выбраться из кабины женщине, одетой в шубу и шапку.

– Что за делегация, не иначе как из Города, – баба Маня заволновалась и на всякий случай присела на лавку.

– Бабка Маня, принимай гостей, из самого Города приехали, – заорал, ввалившись в избу Толька, – бутылка с тебя за доставку.

– Здравствуйте, Вы Мария Михайловна? – вошедшие, вслед за Толькой, городские гости оглядывали комнату. – Вы бабушка Александра? – Женщина прошла вперёд.

– Я, – подтвердила баба Маня, – случилось то чего? Сашка чего натворил?

– Нет-нет, что Вы, наоборот, мы вот тут, – женщина приняла из рук мужа сумку, – подарки Вам, мы с благодарностью. – И начала выкладывать на стол пакеты и кульки.

– Вот конфеты, колбаса, сыр, пряники. Всё, что смогли купить у вас тут, в Городе. – Стол заполнился различными свёртками, – коньяк вот, армянский, – красивая бутылка встала рядом с пакетами.

– Да что вы, зачем это, – баба Маня ничего не понимала, пытаясь найти в лицах приехавших, хоть что-то знакомое и никак не находила. – Случилось то чего, милая, ты присядь. – Задвигала стоящими у стола стульями, – присаживайтесь.

– Да-да, конечно, – женщина присела на краешек стула. – Владимир, я так волнуюсь, расскажи Марии Михайловне.

Мужик расстегнул пальто и тоже присел на стул.

– Понимаете, Мария Михайловна, мы в гости приехали, в этот ваш... Город. Жена, – кивнул на женщину, – родом отсюда. Вот и приехали, маму её навестить, внучку показать. Анечка три годика. Вечером в гости пошли, к школьной подруге Зоиньки, – снова посмотрел на жену.

Владимир сделал паузу, распахнув по шире пальто.

– Давайте на вешалку повешу, – опомнилась баба Маня, – или вот на диван положим, – натолено у меня с утра.

Гости разделись, и снова присели к столу.

– Так вот, когда Анечка уснула, Варвара Степановна, тёща, к соседке побежала, поболтать, рассказать, что внучку привезли. А тут пожар, уголь, наверное, вылетел из печки. У соседки окон на ту сторону нет, услышали только когда трещать начало, да и народ сбежался, закричали.

– Господи Иусе, – баба Маня перекрестилась на иконы, – страсти то какие.

– Когда тёща прибежала, начала в огонь кидаться, кричать, что Анечка в доме, огонь уже из двери выбивался, не пробиться в дом. Вот тут Ваш внук Александр и появился, на наше

счастье. Говорят, курточку скинул, и в окошечко, в подпол, как ящерица. А там, через люк в комнату. Вытащил Анечку нашу, она без сознания уже была, дыму наглоталась.

– Господи, помилуй, беда-то какая, – опять перекрестилась баба Маня. – А девочка то как, Анечка?

– Хорошо всё, Мария Михайловна, бегают уже, испугалась только очень, а так, всё хорошо. – Заговорила Зоя. – Мы домой завтра, в Москву. Там конечно покажем врачам, но главное живая.

– Понимаете, Анечка поздняя у нас, мне сорок уже, – Зоя поправила причёску.

– Мы за границей долго жили, у мужа работа такая. А как Анечка родилась, в Москву вернулись, Владимир теперь в министерстве. И тут вот такое происшествие, если бы не Ваш внук, Сашка... Александр, понимаете... В общем спасибо Вам огромное, я прямо не знаю, как благодарить.

– Понимаю-понимаю, Господи помилуй. – Третий раз перекрестилась баба Маня, – Как он, Сашка то? Сам-то не повредился?

– Мария Михайловна, нормально Сашка, совсем не повредился. Быстро всё сделал, за пару минут, говорят, а главное во время как. – Зоя опять полезла в сумку. – Мы были вчера в его училище, к директору ходили. От него про Вас и узнали, и про Александра, что Вы его воспитали. Поблагодарить хотели, денег вот дать, – женщина положила на стол свёрток. – Да не взял он, убежал от нас. Он, мне кажется, вообще не понимает, что совершил, а мы ведь благодарить.

– Что Вы, Что Вы, – баба Маня замахала руками, – какие деньги. Нам не надо, у меня пенсия, сорок два рубля, у Сашки стипендия в училище, и столовая там, и общежитие. Нам не надо ничего, у нас всё есть. А Сашка правильно всё сделал, как иначе, как не спасти. И по окошкам лазить он мастак. Когда Дуня, соседка, ключ потеряла, так он тоже через подполье залезал, и калитку открыл, а дома у неё уж ключ был запасной. Уберите, – баба Маня отодвинула свёрток с деньгами, – не надо этого, уберите.

Сидящий тут же за столом и молча слушавший до сих пор, тракторист Толька Ножкин, вдруг оживился.

– Во даёт Сашка, ну до чего ушлый, надо же сообразить, через подполье. – И потянулся к бутылке, – выпить надо за это, обязательно, что всё так хорошо, а дом то сгорел?

– Сгорел, – Владимир покосился на тракториста, – Анатолий, Вы нас должны ещё отвезти обратно, до своей деревни, до нашей машины, не забывайте.

– Конечно, должен, – радостно согласился Толька, – а кто говорит – не должен. Мне ещё сено вечером на ферму возить, вот и надо выпить, пока время позволяет, а как же? – И с удовольствием крякнув, опрокинул в себя стакан коньяка.

– Мария Михайловна, видите ли, – Владимир приосанился, – Ваш внук, Александр, для нас теперь как родной, мы ему по гроб жизни обязаны. Кем он у Вас хочет быть, ну не трактористом же, в самом деле, – взглянул на Тольку. – У меня в Москве хорошие связи, давайте мы его заберём, устроим, поможем на первое время. Ведь у вас тут жить нельзя, к вам даже не добраться, молодому парню делать нечего, понимаете?

– Понимаю, – баба Маня вздохнула. – Только в армию ему на другой год, а там уж как хочет, и как Бог даст. А в Москве, что ему? У нас в Ленинграде родня, Сашка там учился, да вот вернулся, вырос он здесь. Нет, не надо, спасибо. Давайте чаю нагреем, вон сколько всего навезли, на всю деревню хватит.

За чаем в разговор вступила Зоя.

– Мария Михайловна, Вы нас поймите, мы хотим как лучше. Я работаю в издательстве, у меня много знакомых журналистов. Напишем про Александра в газете, Владимир поговорит со своими приятелями, Сашу примут в институт, или военное училище. Вы подумайте, вот тут мы написали адрес и телефоны, рабочие, домашний. Через три месяца Александр закончит

своё ПТУ, а к осени пусть приезжает к нам. Мы просто не знаем, чем мы можем вас отблагодарить, давайте позаботимся о будущем Вашего внука.

– Спасибо, люди добрые, – баба Маня поклонилась гостям, – только не надо этого. Сашка молоденький совсем, не определился ещё. Пусть всё будет, как будет. Вот пойдёт в армию, повзрослеет, сам решит, как жить дальше, в институт или в училище, а сейчас не надо ему ни каких газет, неизвестно каким боком жизнь повернётся. Обычный он, мальчишка деревенский. А вам спасибо. Адрес ваш я сохраню, положу на божницу, за иконы.

– Ну, как знаете, – Владимир встал, – давайте тогда собираться, мы помочь хотели, от души, мы вам обязаны очень многим. Не теряйте адрес, – и опять посмотрел на Тольку, который опустошил коньяк уже больше чем наполовину. – Пора нам.

– Спасибо вам, – опять поклонилась баба Маня. – И если уж хотите вспоминать Сашку добрым словом, помочь ему, есть у меня одна просьба.

– Да, конечно, говорите, – Зоя тоже встала, – мы всё выполним.

– У вас в Москве, наверное, церкви есть, работающие, а у нас то нет, в Городе только, и то по праздникам большим открывают, не добраться мне туда.

– Есть, даже недалеко от нашего дома есть, всегда работает. – Зоя вопросительно смотрела на бабу Маню.

– Так вот, мало ли, будете мимо проходить, и как вспомните Сашку моего, зайдите в церковь, поставьте свечку, за здоровье раба Божиего Александра, и за доченьку вашу Анечку.

– Хорошо, Мария Михайловна, я обязательно выполню Вашу просьбу. Ну и Вы, помните о нашем предложении, подумайте, как следует, время есть.

Баба Маня, накинув безрукавку, вышла проводить гостей. Трактор резво развернулся на одном месте, взревев и выпустив облако чёрного дыма, покачиваясь, поплыл за деревню. Трижды перекрестив удаляющийся трактор с гостями, баба Маня вернулась в дом.

– Хорошие люди, добрые какие, столько навезли всего. И Сашка хорошо поступил, правильно не взял деньги, разве в них счастье, счастье, что девочка Анечка жива и здорова.

Вкусными пирожками пахло на весь подъезд. Анька как ветер ворвалась в кухню, где Зоя Васильевна раскладывала выпечку по большим тарелкам.

– Мама, мамочка! – Прыгая на одной ноге и расстёгивая застёжку туфель, завопила Анька. – Ты представляешь, я была на приёме в Кремле. Самого Президента, вот как тебя видела, представляешь?

– Сядь, сумасшедшая, упадешь, – улыбнулась Зоя Васильевна. – Что там у тебя за приём, что случилось?

– Да, награждали кого то, не важно. – Анька уже схватила пирожок, – представь только, главный, наконец-то дал мне нормальное задание. А то всё, какие-то выставки, да скучные собрания. А тут Кремль, и от нашей редакции поручили мне, представляешь? Я тебе сейчас всё покажу, пойдём в кабинет, – схватив ещё пирожок, Анька потянула мать в комнату.

– Вот смотри, – вставив флешку в компьютер, защёлкала мышкой. – Так, это не то, это тоже, вот, ага. Смотри, Президент выходит, все аплодируют, а я рядом, прямо у трибуны, вот видишь, круто да? Это он речь произносит, поздравляет. Кадров триста нащёлкала, здорово, правда?

– Здорово, здорово, – Зоя Васильевна смотрела с интересом.

– Вот и выросла девочка, журналист, освещает приём в Кремле, лишь бы кому не поручат. – Гордость наполняла материнское сердце.

Анька щебетала без умолку, как кузнечик.

– Мам, смотри, это он проходит, поздравляет награждённых, а я прямо рядом-рядом, ну в трёх метрах буквально. – Кадры менялись быстро.

– Стоп, – Зоя Васильевна, прикоснулась к Анькиной руке, – ну-ка, верни назад, ещё, ещё. Вот, это кто? – Лицо одного из награждённых, в парадной форме, показалось Зое Васильевне знакомым.

– Не знаю, мам, их там много было, человек сто, наверное.

– А узнать нельзя, доча?

– Можно, конечно, у меня списки есть, в редакции узнаю.

– Дай списки посмотреть, пожалуйста.

Анька достала из сумки сложенные листы. Зоя Васильевна, надев очки, пальцем повела по списку.

– Вот, Александр Петрович..., точно, это он, Аня.

– Кто мама, знакомый твой? – Дочь хитро посмотрела на мать.

– И твой, Анечка, тоже. Помнишь, я рассказывала, как мальчик вынес тебя из горящего дома? Это он, дочь, Сашка, Александр Петрович.

Анька посмотрела на фото в мониторе.

– Ты же говорила, пацан какой то, из глухой деревни.

– Ну, вырос пацан. Правильно вырос. А ведь я за его здоровье, четверть века свечки ставлю. Права была бабушка, Мария Михайловна, пусть будет как будет.

– Во дела, – Анька округлила глаза. – Из какой-то глухой деревни, а теперь сам Президент ему руку жмёт. Бывают же чудеса на свете. Ладно, мам, давай я тебе дальше покажу. – И Анька снова защёлкала мышкой.

Иди

– Иди, Господь с тобой – сказала бабушка, провожая Саньку за околицу деревни, и перекрестила. Затем отвернулась, что бы он не увидел побежавших крупных слезинок по морщинистому лицу. А он бы и не увидел, он уже шёл, шёл вперёд. Там поезд, славный город Ленинград, училище и целая жизнь. Свободная, самостоятельная, взрослая. Саньке уже семнадцатый год, он совершеннолетний и совершенно взрослый. Наверное, по этому он прощает бабушкино: «Господь с тобой» и не обращаю на это внимания. Но что с ними поделать, с пережитками, мы другие и всё у нас по-другому, а им старым простительно. Санька идёт, не оглядываясь, до самого леса и только там бросает назад не долгий прощальный взгляд. Бабушка всё стоит, скрестив руки на груди, и смотрит, как он идёт.

Взрослая жизнь, такая интересная, новая, красочная. Деревня где-то далеко-далеко, со своим патриархальным укладом, запахами цветов и мычанием коров. И с этим бабушкиным «Господь с тобой». Какая древность, какое там всё не современное, допотопное. Хорошо, что вырвался из этого позапрошлого века.

Армия. Саня будет хорошим солдатом и командиром. Как дядька – офицер, как дед – старшина разведчик, он не подведёт их. Если придётся защищать Родину, мы все как один, ничем не хуже отцов и дедов. Боевая служба, караулы, учёба, комсомольская работа. А впереди только светлое будущее, мы идём по верному пути строительства коммунизма, как завещал великий Ленин.

Афган. Первый раз в жизни в самолёте. Военный борт, по бокам на скамейках пацаны, так же как и Саня, делающие вид, что им не страшно, что всё ни по чёму. Весь салон заставлен зелёными ящиками, закреплёнными широкими стропами. «Неужели сядем? Да, свершилось, слава Богу, Господь со мной». Что это он. Молодой коммунист, политработник, стыдно товарищ, стыдно, прямо как бабушка. Но радость от того, что они на земле, пусть и не нашей, переполняет. Кажется всё страшное позади, а впереди снова всё светлое и хорошее. Командировка короткая, скоро домой, да и что может случиться, подумаешь, самолёт трясло и кидало из стороны в сторону, всё позади, уже смешно над своими страхами. Да и сам же напросился, рапорта писал, собеседования проходил. Ничего не может случиться, когда всего двадцать два.

Больничная палата. В боку, конечно, печёт, но терпимо. Надо же так расслабиться, откуда вывернулся этот ненормальный с заточкой. Вызов то обычный на семейный, а тут приятель, заступник, что б ему. Вот и доктор, с бумагами, серьёзный, что он там усмотрел?

– Как, доктор, жить буду? – Волошин пытается выглядеть браво и бодро.

– Будешь-будешь, и видимо долго. Свезло тебе крепко, мимо печени прошло, в миллиметре буквально. Так что денёк три отдохнёшь и домой, ловить своих преступников. Есть у тебя ангел-хранитель.

И опять бабушка: «Иди, Господь с тобой».

Катер браконьеров пытается оторваться и уйти. Куда там, у рыбнадзора моторюга силища, «Хонда», ещё никто не уходил.

– Готовь бумаги, участковый, сейчас возьмём, – кричит рыбнадзор.

Но что такое, преследуемые дают резкий вираж, и на всей скорости несутся уже на катер рыбнадзора. Таран? Волошин пытается достать табельный «Макаров», поздно. Удар в борт, ледяная вода обжигает, тяжеленные бродни тянут вниз. «Господи, помоги». Один сапог удаётся скинуть, второй как присосало, но уже лучше. Перевернутый катер совсем рядом, надо добраться, там спасение. Окоченевшими пальцами участковый цепляется за ребристый металл. Что дальше, долго так не протянуть, хорошо, что удалось стянуть второй сапог. К берегу, плыть к берегу, метров сто не больше. Где же рыбнадзор, неужели утонул? Вот и берег, без сил свалился прямо у воды, зато ушёл холод, даже испарина выступила. Но совсем не надолго, через

минуту холод начал сковывать, зубы застучали. Октябрь на Севере не жаркий. Двигаться, туда-сюда по берегу, согреться. До дороги километров десять, босиком по берегу, в мокрой одежде. Воспаление лёгких, а рыбнадзора нашли только весной.

Девяносто шестой. Тяжёлый, военный. Обстрел блок-поста, два осколка гранаты в правый бок, но совершенно пустяково. Бабушки уже нет, а «Иди, Господь с тобой» есть. Волошин знает, уверен просто, обязательно выйдем к своим, иначе и быть не может, бабушкино напутствие всегда с ним. «Иди, Господь с тобой». И он идёт, идёт много-много лет. Спасибо тебе, бабушка, за твоё напутствие, за твои дремучие пережитки, всю свою жизнь Санька идёт с твоим: «Иди, Господь с тобой».

Путь в музыканты

Служить в армии, как и все парни того поколения, Саня Волошин, конечно, хотел. Не служить в те времена считалось ненормально и где-то даже стыдно. В армию не брали больных или, хуже того, с приветом. А уж как потом стало модно – откосить – даже мысли не возникало. Все без исключения молодые люди были готовы и даже счастливы, отдать долг Родине в виде двух-трёх лет срочной службы.

И Саня был готов, если не физически, в плане подготовки, то морально точно. Кроме того, как оказалось в дальнейшем, имел Волошин одно важное преимущество перед другими призывниками. Он разбирался в званиях, и не только в званиях, а ещё в петлицах, эмблемах, шевронах и прочей военной атрибутике, умел по-военному докладывать и знал команды. Секрет волошинских познаний был прост – дядя офицер. Когда он приезжал в отпуск, то, наверное, от скуки, или чтобы не отвыкнуть за месяц, разговаривал с Саней исключительно командами, ну, и дрессировал по доброте душевной, как молодого солдата. Большой плакат с погонями от рядового до маршала Советского Союза, а также с эмблемами родов войск и всякими нашивками появился в доме Волошиных в один из дядиных отпусков, сдавать зачёты по плакату Саня должен был регулярно. Зачёты по строевой подготовке, дисциплинарному и строевому Уставу также имели место, в разумных, конечно, пределах. За нерадивость в изучении воинских наук племяннику объявлялись наряды вне очереди, которые могли вылиться в прополку огорода, дополнительную работу на сенокосе или день пастьбы деревенского стада. Так что изучал Саня воинские науки с удовольствием и прилежностью.

О том, что Волошин вот-вот будет призван в доблестные ряды Вооружённых сил, он, конечно, знал, комиссии пройдены, даже известен номер команды и род войск, танковые, курсы трактористов всё-таки. Тем не менее, повестку получил неожиданно. Деревня, где жил будущий солдат, на то время была уже совсем маленькая, хлеб и почту привозили два раза в неделю, телефона не было. Повестка пришла с почтой двенадцатого ноября к вечеру, а в ней сказано, что тринадцатого ноября в пять часов утра, призывник Александр Волошин, должен быть с вещами в районном военкомате. Бабушка, как и положено, начала причитать, плакать и суетиться со сборами, а Саня кинулся в соседнюю деревню звать друзей на отвальную. Позвал лучшего друга Вальку Спиридонова, да подвернувшегося Тольку Коньшина. За нехваткой времени, по быстрому заскочили в магазин, купили две бутылки «Агдама» и сигарет.

Возвратившись домой, друзья за полчаса отпраздновали Санькину отвальную. Надо было спешить на поезд до райцентра, а то до станции четыре километра лесом в кромешной тьме. Наскоро выпив бутылку «Агдама» на троих и закусив приготовленными бабушкой котлетами, переодевшись в старые дедовские фуфайку и кирзачи, «выкинуть не жалко», будущий солдат отправился отдавать долг Родине.

В военкомате Волошина поджидали молоденький лейтенант и пожилой водитель такого же пожилого уазика. Тут же находились ещё два призывника с других деревень района, один метр с кепкой, второй здоровенный детина, это и была вся команда. Около шести утра, погрузив не хитрые пожитки, забрались в машину и отправились в дальний путь, в областной военкомат города Калинина, до которого километров двести. Но путь неожиданно прервался, вернее, застопорился примерно через час. Уазик, имея преклонный возраст, ехать дальше вдруг отказался, сначала погасли фары, потом он задёргался, пошёл рывками и, наконец, окончательно встал. Водитель с применением огромного количества – сразу видно, специалист – непечатных слов залез под капот. Молоденький лейтенант занервничал, предчувствуя неприятности, но повлиять на ситуацию возможности не имел. Новобранцы выбрались на свежий воздух и, наконец, познакомились. Метр с кепкой звали Саня Воробьёв, он оказался пареньком шустрым и весьма словоохотливым, этакий Воробей чирикающий. Здоровенный детина

представился Мишкой Косаревым. Он напротив, разговаривать, похоже, не умел вовсе, зато со всеми соглашался и улыбался во весь рот – настоящий Мишка, объевшийся мёда.

Ремонт между тем затягивался, водитель то доставал из-под сидений и багажника различные запчасти, то снова нырял под капот, непрерывно поминая все различных матушек, свою пенсию, пенсию уазика и нерасторопное начальство, не желающее выбить новую машину. Лейтенант совсем приуныл, перестал спрашивать, скоро ли поедем, забрался в машину и задремал. А Саня, вспомнив, что в его тощем рюкзаке завалилась бутылка «Агдама», предложил новым приятелям отметить начало военной службы, пока есть такая возможность. Приятели с удовольствием согласились. Вытащив из машины рюкзак и пирожки, выпеченные мамой Мишки Косарева, новобранцы зашли за уазик и, присев на корточки, начали отмечать. Правда, начало чуть сразу не превратилось в окончание, так как по неосторожности первому приложиться к «Агдаму» дали Косареву, и он приложился так, что в бутылке осталось меньше половины. Если бы не Воробей, буквально вырвавший драгоценный напиток из огромных лап, товарищам ничего бы не досталось. Остальное допили не спеша на двоих, полностью игнорируя жующего пирожок за пирожком Мишку.

Заминка на дороге оказалась долгой, простояли часов пять, если не больше, и в Калинин приехали далеко после обеда. В областном военкомате лейтенант долго бегал с бумагами из кабинета в кабинет, призывники смиренно ждали в коридоре. В итоге всем было объявлено, что поскольку команда уже ушла, тех, кто не успел, оставляют в резерве областного военкома, чтобы домой не отправлять, до формирования другой команды. Так неожиданно из-за сломавшегося уазика и началась для Волошина служба, растянувшаяся на четверть века.

Сборный пункт областного военкомата, серое здание, обнесённое высоким забором с козырьком колючей проволоки, к романтике, оптимизму и даже хорошему настроению не располагал. Изнутри здание больше всего походило на муравейник. Большое количество людей, в основном призывников, перемещалось, двигалось, суетилось и гудело. Многочисленные двери кабинетов постоянно открывались и закрывались, впуская, или выпуская, очередного претендента в защитники Родины. То и дело сновали военные с бумагами или папками в руках, непременно серьёзные, деловые и важные. Иногда появлялись доктора в белых халатах, почему-то такие уставшие, как будто они тягнутся на руках с каждым призывником, и шли в курилку.

Санька с приятелями около часа проторчали в коридоре, наблюдая за движением муравейника, пока не появился высокий, в безукоризненно отглаженной форме капитан с листком бумаги и зычно, перекрикивая гул, прочитал фамилии. Услышав свои имена, призывники, с готовностью тут же начать служить подскочили. Капитан смерил команду ничего не выражающим взглядом.

– Краснохолмцы?

– Так точно, товарищ капитан, – чётко отчеканил Волошин, – команда номер двести семьдесят пять, Краснохолмского районного военного комиссариата.

Брови капитана медленно поползли вверх, у Мишки Косарева отвисла челюсть, а словоохотливый Воробей застыл, как памятник.

– Молодец, боец, – прогудел капитан, – откуда такие познания?

– Дядя – офицер, выпускник Калининской военной академии, майор Абрамов.

– Молодец, – ещё раз то ли Саньку, то ли дядю-майора похвалил капитан, – далеко пойдёшь, назначаю тебя старшим команды резерва. Фамилия как?

– Призывник Волошин, – отрапортовал назначенный, а сочтя назначение на командную должность наградой, добавил, – служу Советскому Союзу! – и чуть не вскинул руку, но вовремя вспомнил, что к пустой голове руку не прикладывают.

Капитан хмыкнул:

– Ну, пойдёмте, определю вас.

Схватив свои не хитрые пожитки, вслед за капитаном новобранцы поднялись на второй этаж, и зашли в большую комнату, где из мебели были только двухъярусные нары с матрацами. На нарах сидели и лежали с десятков призывников. И тут Саня неожиданно для себяскомандовал:

– Встать, смирно! – крепко же засела дядькина дрессировка.

Брови капитана в очередной раз взметнулись вверх, под козырёк фуражки, призывники вскочили, как ошпаренные, мои приятели вытянулись, вылупив глаза. Капитан прокашлялся:

– Вольно, – и, обращаясь ко всем, – товарищи призывники, вы находитесь в резерве областного военного комиссара до формирования ваших команд. Старшим команды назначен призывник Волошин, все возникающие вопросы решать через него, построение на ужин в восемнадцать ноль-ноль на плацу, пока отдохайте, – затем посмотрел на Саню и добавил, – распоряжения старшего команды выполнять беспрекословно, служба ваша уже началась.

После этих слов у призывника Волошина за спиной через старую дедовскую фуфайку начали явно пробиваться крылья. А капитан, кивнув, что бы Саня шёл за ним, вышел в коридор.

– В каких войсках хочешь служить? – спросил он новобранца, когда они вышли.

– В ракетных, товарищ капитан, – не задумываясь, ответил Волошин, – или в артиллерии.

– Почему?

– Дядя ракетчик, а дед артиллерист.

– Понятно, постараюсь, чтобы ты попал в хорошую команду, – с этими словами отглаженный капитан ушёл, больше Саня с ним никогда не встречался.

Когда вновь назначенный командир вернулся в комнату, отведённую для проживания команды резерва, там за время его короткого отсутствия произошли перемены. Нестройная шеренга призывников стояла, а перед ними важно расхаживал метр с кепкой, Саня Воробьёв, которого приятели уже успели окрестить Воробьём, и заканчивал свою речь.

– Всем понятно? Служба ваша уже началась, – повторил он слова капитана.

Косарев стоял в шеренге, на голову возвышаясь над всеми. Оказывается, на правах земляка и ближайшего товарища Воробей уже назначил себя Саниным заместителем, от имени начальства, конечно, о чём всем и объявил, а Волошина тут же снова поволок в коридор.

– Ты, вот что, Саня, – начал самоназначенный заместитель. – Ты это, командуй «смирно, так точно», ну, как умеешь, а я тебе буду подсказывать, всё-таки у меня жизненного опыта побольше, – почему-то решил Воробей. – В армии всегда у командира есть помощник, вот я и буду тебе помогать.

– Хорошо, – Саня не возражал, – помогай. Только это всё ненадолго. Капитан сказал, что скоро меня отправит в хорошую часть служить.

– Как тебя? – Даже подпрыгнул Воробей, а я, а Мишка? Ты о нас подумал? Мы же вместе, с одного района, нам и дальше надо вместе. Ничего себе, его отправят! «Далеко пойдёшь», – передразнил он капитана, – сам в командиры, а друзья-товарищи как хотите? Нет, так не пойдёт, иди, скажи капитану, что мы в одну часть хотим, и я, и Косарев с тобой.

– Хорошо, – растерялся Саня, о них как-то и правда совсем не подумал, а вместе действительно будет лучше, хотя и знакомы всего несколько часов, но ребята свои, земляки. – Скажу капитану, что вы тоже в ракетчики хотите.

– Почему в ракетчики? – опять дёрнулся Воробей, но сразу добавил, – а можно и в ракетчики, лишь бы вместе, вон Мишка какой бугай, будет ракету таскать.

На том и решили.

Жизнь команды резерва областного комиссара протекала неспешно и однообразно. Новобранцев вообще никто не трогал, и казалось, что о резерве забыли, по крайней мере, о команде краснохолмцев точно. Других время от времени куда-то вызывали прибегавшие

посыльные, и они через короткое время заскакивали в комнату за пожитками, наскоро прощались и убывали с очередной командой. А команда земляков-приятелей просидели уже три дня в полной неизвестности.

В восемь утра и шесть вечера призывников водили на завтрак и ужин в расположенную неподалёку заводскую столовую, обедов не было. Также по утрам из числа резервистов назначались дневальные и посыльные на первый этаж, где проходила комиссия, и формировались команды. Обязанность назначать всякого рода дежурных и дневальных взял на себя шустрый и ушлый Воробей. Он же объяснял всем новеньким, появляющимся в нашем временном коллективе, что их служба в армии уже началась, представлял Волошина, как главного командира, и себя, как главного командирского заместителя, назначенных самим комиссаром. Кроме того, Воробей не забывал напоминать, что снадью, привезённой из дома, новенькие должны делиться с командованием, то есть с ним, Волошиным, ну и с Мишкой Косаревым, как старослужащим и всегда голодным. В общем, жить в резерве, несмотря на скуку, было можно, краснохолмцы даже начали чувствовать себя опытными солдатами, проходящими настоящую службу.

Всё изменилось на четвёртый день с появлением в резерве человека опытного по имени Васька. Он зашёл, по-хозяйски постелил себе два матраца и улёгся, подложив под голову приличных размеров рюкзак. А далее Васька поведал всем то, что новобранцев, тех, кто сидел в резерве уже несколько дней, повергло в некоторый шок. Оказалось, что Васька уже здесь третий раз, два раза весной и вот сейчас, осенью. И каждый раз через несколько дней его отправляли домой.

– Как домой? – первым запаниковал Воробей. – Ведь отвальная прошла, нас уже проводили, что я дома скажу?

– А вот так, – хохотнул Васька, – такие, как мы, в тылу нужны, может, рождаемость надо повышать, а может, в какие специальные войска хотят направить, куда призыва пока нету. Им там, – он ткнул пальцем в потолок, – виднее.

Воробей подсел к опытному Ваське и начал расспрашивать, что да как, сколько он в резерве сидел весной и почему не взяли.

– Да почём я знаю, не взяли и всё. Сказали, езжай домой, жди новую повестку. Просидел тут первый раз две недели, а второй – три дня. Вот опять вызвали, у меня и дома уже привыкли, ждём, говорят, через недельку.

– Не, я не согласный, – протянул Воробей, – я домой не хочу, что батька скажет, сколько водки на отальной выпили, да и из колхоза проводили, подарили рюкзак и бритву. Не поеду домой, уж служить, так служить.

Тут он как-то подозрительно посмотрел на Волошина и, подскочив, начал:

– Так, Саня, тебя главным назначили, вот и иди к военкому или к капитану этому. Узнай там, что это такое – призывников по домам отправлять вместо того, чтобы, как положено, в армию направить. Нету такого закона, обратно по домам, – со знанием дела закончил Воробей.

– Ладно, схожу, узнаю, – нехотя согласился Саня, не представляя, где сидит отглаженный капитан, а тем более военком.

Спустившись на первый этаж, Волошин потолкался в муравейнике призывников, не решаясь зайти ни в один из многочисленных кабинетов. Поспрашивал на всякий случай, кто, откуда, что говорят в кабинетах, но никакой нужной для себя информации не получил. Заглянул в некоторые двери, когда туда кто-то входил или выходил, в надежде увидеть знакомого капитана, но тоже не увидел. Тогда попробовал обратиться к военным, время от времени появлявшимся в коридоре, но те от Сани отмахивались, как от мухи, и ничего не прояснили. Возвращаться в резерв было не с чем, и он поплёлся в курилку, может, что получится выяснить у врачей, которые туда ходили курить.

В курилке, на счастье, сидели два прапорщика, к ним Саня и пристал с последней надеждой. Повезло, прапорщики не торопились и обстоятельно всё объяснили:

– Не волнуйся, боец, домой никого не отправят, все пойдёте служить, как положено. Завтра придет много покупателей, а в четверг ещё больше, так что всех разберут, и резерв ваш тоже.

– Каких покупателей? – не совсем понял Саня.

– Таких покупателей, которые вас, призывников, по частям забирают. Приезжают представители из разных частей и разбирают призывников.

– А ракетчики будут, из ракетных частей, или артиллеристы?

– Будут-будут, ракетчики будут, артиллеристы, кавалеристы, все будут. А пока сказали ждать, значит, ждать. Свободен.

Саня попытался ещё поспрашивать, но прапорщики поднялись:

– Всё боец, иди, отдыхай пока, солдат спит – служба идёт.

В комнату резерва Волошин вернулся окрылённый и сходу заявил, что руководство военкомата заверило его – домой отправлять никого не будут, всех распределят по частям в ближайшие дни, что ожидается приезд большого количества покупателей, в основном ракетчиков, которые нас и повезут к месту службы. Резервисты встретили новость одобрительным гулом. Дальше разговоры были в основном о том, как они будут ракетчиками, а главным рассказчиком о ракетных войсках был, конечно, Саня, так как немного об этом знал. И получалось у него, что все они будут сидеть за большими пультами с лампочками и кнопками и ждать приказа начать стрельбу по врагам. Или ездить на машинах, похожих на «катюши», только новых, и тоже ждать, когда нужно нанести сокрушительный удар по империализму.

Между тем жизнь и работа военкомата шли своим чередом, следующая неожиданность случилась утром. Прибежавший посыльный с листком бумаги начал выкрикивать фамилии, среди которых назвал Воробья. Волошина с Косаревым фамилий посыльный не кричал. Воробей озадачился:

– Как так, нам же вместе обещали, – кто обещал, Саня не вспомнил, но смотрел Воробей при этом на него. – Сань, пойдём со мной, может, ошибка какая, поузнавай там, тебя начальство знает.

В том, что ни какое начальство Волошина не знает, признаться было уже поздно, да и неудобно. Вот и пришлось ему, вместе с названными призывниками, отправиться на первый этаж. Там их встретил лейтенант в португее и два сержанта-срочника. Посыльный отдал листок с фамилиями одному из сержантов, и тот провёл переключку.

– Как же так, Сань? – Воробей смотрел жалобно. – Я, значит, что, отдельно от вас, вы в ракетчики, а я куда, спросить надо, что хоть за войска.

– Да чего там спрашивать, я и так вижу, – со знанием дела заявил Волошин, разглядев петлицы покупателей, – это строительные части, стройбат.

– Стройбат? – приятель побледнел. – Меня – в стройбат, это что, окопы копать и землянки делать? А вы с Косаревым в ракетчики? Сань, попроси их, чтобы меня не брали, я не хочу в стройбат, я в ракетчики хочу.

– Ты что, Воробей, кто же меня слушает?

Тут лейтенант скомандовал:

– Команда, за мной.

Сержанты начали подгонять новоявленных стройбатовцев дальше по коридору, к кабинетам. Воробей со слезами на глазах, с укоризной оглядываясь на старшего карантин, ушёл со всеми. Далее, в течение дня, происходили события, не совсем понятные. В резерв несколько раз прибегали посыльные и кричали Воробья. Мы объясняли, что Воробьев ушёл с командой, но посыльные его упорно искали. Даже приходил военкоматовский прапорщик и спрашивал, не видел ли кто Воробьева. Никто не видел. К вечеру резерв почти опустел, остались Волошин

с Косаревым, Васька, да ещё с десятков призывников. И вдруг – чудо – уже после ужина, когда суета улеглась, в комнате резерва, немного перепуганный, но счастливый, появился Воробей. Все вытаращили глаза.

– Ты как? Тебя же в стройбат... – начал Мишка Косарев.

– Да не, передумали они, – кивнул несостоявшийся стройбатовец на дверь. – Наверное, подумали, что вы в ракетчиках без меня не справитесь.

Поздно вечером, когда уже все спали, Воробей толкнул Саню и рассказал. Оказывается, он весь день просидел в туалете, как его искали, слышал, но не признался, что он это он:

– Здесь же никто друг друга не знает, посыльный спрашивает: «Знаешь такого?», а я: «Нет, не знаю», он и побежал дальше.

– Ну, ты даёшь, дальше-то что делать, домой отправят? – спросил Саня.

– Не, завтра пойду к начальству, скажу, мол, живот прихватило, а пока в туалете был, команда ушла. Я с вами, в ракетчики. Да и рюкзак где-то на первом этаже остался, а там бритва колхозная, надо поискать. Я же в туалете здесь, на втором сидел.

«Ну и хитрючий Воробей», – подумал Волошин, но ничего вслух не сказал.

– Значит, с нами, в ракетчики?

– Ага.

Но ракетчиков из них так и не получилось.

Воробей оказался на самом деле пройдоха знатный. Наутро он ходил на первый этаж, переговорил с кем-то из военкоматовского начальства, рассказал о своей неожиданной проблеме с животом, в итоге домой его не отправили, а оставили дальше ждать другую команду. Волошин с Косаревым такому повороту событий обрадовались, всё-таки земляки, да и служат в резерве вместе скоро уже неделю.

В судьбе резервной команды ничего не менялось. Как и прежде, ходили на завтраки-ужины, валялись на матрацах, травили байки о своих похождениях до службы и мечтали о ракетных войсках. Со своей резервной долей они уже свыклись, освоились, время от времени болтались по военкомату, пытаясь что-то разведать, дневальные и посыльные назначались ими же из числа новичков резерва, их уже знали и бесцельному болтанию не препятствовали. В заводской столовой, в основном благодаря общительности мелкого Воробья, старых резервистов тоже уже запомнили, добрые поварахи подсовывали что-нибудь вкусенькое с собой: булочек, котлеток, жареной рыбки, а то и сгущёнки. Компания, к которой как-то незаметно примазался Васька, спокойно гуляла во дворе военкомата, сидела в курилке, в общем, жизнь наладилась. Правда, выйти за территорию не удавалось, на воротах часовыми стояли настоящие солдаты, договориться с ними было невозможно. Зато они видели всю внутреннюю жизнь призывного пересыльного пункта, как приезжают покупатели, как формируются-собираются команды, как строем отправляются на вокзал. Ну а Саня, имея великие познания в военной атрибутике, выступал экспертом. Вот приехали танкисты, бравый капитан и два сержанта-срочника второго года службы, с дипломатами. А это обычная пехота, неинтересно. Десант – прапорщик и сержант, оба под два метра, в голубых беретах, красота. Но мы ждём ракетчиков, решено, так решено.

Так как Саня умел обратиться по-военному и даже подойти строевым шагом, что офицерам нравилось, иногда удавалось поговорить с покупателями. Надо сказать, общались с призывниками они неохотно, но устоять перед «товарищ гвардии старший лейтенант, разрешите обратиться» мало, кто мог.

Но и узнать что-то полезное тоже не удавалось. Главный для всех вопрос – где будем служить, если вдруг попадём в их команду, – всегда оставался без ответа. Это вообще была страшная военная тайна, в лучшем случае удавалось выпытать весьма общие географические названия, например, Дальний Восток, Средняя Азия или Центральный военный округ. Позна-

ния в географии у резервистов также были невелики, вот сказали бы Москва или Ленинград, тогда понятно, а то Дальний Восток – ясно, что далеко, и не более.

К концу второй недели нахождения в резерве областного военкома снова возник вопрос, а не отправят ли их по домам, как-то уж очень долго нет нужной команды. Предлагалось во второй раз отправить Волошина к начальству за разъяснениями, чего лично ему совсем не хотелось. Призывников в резерве к тому времени собралось много, комната была забита под завязку, да и в соседних были ребята, которые находились здесь уже несколько дней и примелькались. Выход, как всегда, придумал шустрый Воробей.

– Пацаны, а может, ну их, этих ракетчиков, что-то не едут за нами. Давайте сами подойдем к покупателям, которые понравятся, и попросимся. Саня вон обратится по военному, хотим, мол, служить у вас, они нас и заберут.

Народу предложение понравилось, все одобрительно загудели.

– Точно, самим надо проситься, просидим тут до морковкиного заговенья, а потом ещё по домам разгонят. Может, про нас вообще забыли, вспомнят, а покупателей уже нет, надо проситься.

На том и порешили, Волошина, как военспеца, Воробья, как самого балаболитого, Косарева для показухи силы и здоровья, Ваську, как опытного, много раз призываемого, отправили на задание, выбирать себе покупателей.

В первый день резервисты никого не выбрали. Приезжали моряки, но служить три года большого желания, ни у кого не возникло, к тому же решили, что народ у нас совершенно сухопутный. Была команда пехоты, тоже решили повременить и подходить не стали. Немного засомневались, увидев лётчиков, но встрял Васька, здраво рассудив, что летать нам не позволят и в лучшем случае заставят подметать и чистить от снега аэродром, согласились и в лётчики не пошли. День прошёл напрасно, в резерв вернулись ни с чем.

На следующее утро случилось непредвиденное, которое и изменило судьбу Саньки Волошина на долгие годы. Только команда разведки и перехвата покупателей заняла наблюдательную позицию в курилке, как в ворота зашли необъятных размеров майор, перепоясанный португеей, и с ним два сержанта-сверхсрочника. В красных петлицах у всех красовались лиры. Саня немного растерялся, музыканты, что ли? Воробей уже толкал его в бок:

– Саня, Саня, кто это, что за войска?

– Да вроде как музыканты.

– Какие музыканты? – не понял Косарев.

– Какие-какие, – вмешался Васька, – не знаешь, что ли, парады не смотрел? Есть такие войска, впереди всегда идут, с дудками, барабанами. На концертах ещё всяких, по телику выступают.

– Пацаны, – оживился Воробей, – давайте попросимся в музыканты, я в школе горнистом был, правда, недолго.

– А я на гармошке умею, – поддержал Васька.

– И я бы пошёл, – вдруг неожиданно согласился немногословный Мишка Косарев, – у них есть такой большой барабан, по телику видел. Попрошу барабан, бей да бей, много ума не надо.

Волошина охватило сомнение, играть он ни на чём не умел, разве на гитаре немного, три блатных аккорда, но перспектива службы в музыкантах была заманчива. Немного посоветовавшись, резервисты увязались за покупателями.

В коридоре, где проходили комиссии, улучив момент, Саня как мог более браво, подскочил к майору:

– Товарищ майор, разрешите обратиться, – отчеканил, как учил дядя.

– Да, слушаю, – как-то растерянно и не по-военному отозвался майор.

– А вы музыканты?

– Музыканты.

Тут вынырнул Воробей:

– А если мы попадём в вашу команду, мы тоже будем музыкантами? Я на горне могу, а он, – Воробей кивнул на Мишку, – на барабане.

– Будете, – сразу согласился майор, – все будете музыканты.

– Возьмите нас, пожалуйста, – запричитал Воробей, – мы уже две недели здесь сидим, никуда не определяют.

– Хорошо, я попробую, – майор достал блокнот, – фамилии как?

Все по очереди назвали, главный музыкант записал и ещё раз сказал, что попробует их взять к себе.

На радостях наша компания кинулась в резерв, смотреть и выбирать других покупателей больше не хотелось.

– Ребята! – заорал Воробей, ворвавшись в комнату. – Нас берут в музыканты, я буду горнистом, Мишка барабанщиком, а Васька на гармошке играть, – на чём будет играть Саня, новоявленный горнист не придумал, да это было и неинтересно никому.

– Служить будем в Москве, – почему-то решил Воробей, – на парадах ходить и по телику выступать, – несло горниста, – главный ихний, майор, так и сказал, – врал без застенчивости Воробей, – только подучат немножко и на парад, во повезло, и от дома недалеко, наши деревенские будут приезжать, на нас посмотреть, только бы не передумали.

Дальше все стали наперебой обсуждать подвалившее везенье, пророчить хорошую службу, а может, даже известность, так как по телику будут показывать часто. Даже Мишка Косарев оживился и изображал, как он будет ходить по Красной площади с барабаном. Часа через два всеобщего возбуждения и ликования в дверях появился посыльный с листком бумаги и начал выкрикивать фамилии. Список был большой, но, к всеобщей радости, фамилии самых старших резервистов, в числе кандидатов в музыканты были, названы, всех, кроме Васьки, но в суматохе этого никто не заметил. Компания ринулась на первый этаж, прихватив свои пожитки на всякий случай.

По-быстрому прошли очередную медицинскую комиссию, как-то формально: «Жалобы есть?» – «Нет». – «Свободен, следующий». По одному начали заходить в кабинет, где заседал необъятный майор с личными делами призывников, кто-то из военкоматовских и милицейский капитан.

– Приводы в милицию были? – спрашивал милиционер. – Родственники судимые есть? Уголовные дела на кого-то из родственников возбуждались? – после получения отрицательных ответов капитан бегло просматривал личное дело и отдавал папку майору-музыканту.

Тот клал папку в общую стопку и говорил:

– Команда двадцать шестая, ожидай в коридоре.

На этом процедура записи в музыканты заканчивалась, кто на каких инструментах играет, комиссию почему-то не интересовало.

Ближе к вечеру команда с вещами построилась во дворе военкомата, призывники поступали в распоряжение музыкантов и отправлялись служить в Москву. То, что в Москву, сомнения ни у кого и не было, где же ещё нужно столько трубачей и барабанщиков, а собрали их человек сто, не меньше. Кто то из ребят высказал предположение, что наверное, у музыкантов массовый дембель, вот и набирают новых. Как бы то ни было, все были рады и довольны, не многим так повезло, кого-то и в стройбат забрали, кого-то во флот, на три года, а тут парады, концерты – мечта, а не служба.

Проводить резервистов вышел Васька, его почему-то в музыканты не взяли. Воробей успокаивал:

– Не переживай, Вася, видно, гармонисты им не нужны, там же горны в основном, барабаны да дудки всякие.

– Да я не переживаю, – бодрился Васька, – мне не привыкать, если что, и домой, а может, и в ракетчики, посмотрим.

Но было видно, что ему грустно, всё-таки почти две недели вместе. А команда, между тем, по команде майора отправились за ворота военкомата, в сторону вокзала, служить музыкантами.

Толстый майор с лирами в петлицах, перепоясанный португеей, сказал перед строем короткую речь. Разношёрстная команда, одетая в основном в поношенные фуфайки и кирзачи, выслушала, не узнав ничего нового, да и что тут узнавать, и так всё ясно. Служить мы нашей команде предстоит музыкантами, непременно в Москве. Что, в общем, в своей речи майор и подтвердил:

– Товарищи призывники, вы поступаете в распоряжение представителей войсковой части 65... и отправляетесь к месту службы. Сейчас мы пешим порядком выдвигаемся на железнодорожный вокзал. Там вам будет выдан сухой паёк, согласно нормам питания военнослужащих, далее на электричке мы следуем до Москвы, о дальнейших передвижениях будет сообщено дополнительно. Во время всего пути следования соблюдать воинский порядок и дисциплину, выполнять все распоряжения представителей части и назначенных командиров отделений. Употребление спиртных напитков строго запрещено, отлучаться без разрешения, даже в туалет, запрещено, вступать в разговоры с гражданским населением не желательно, – закончил майор и после небольшой паузы уже не по-военному добавил. – Теперь, ребята, вы уже не призывники, а солдаты. Ваша гражданская жизнь осталась в прошлом, поэтому ещё раз прошу, дисциплина и дисциплина. На время следования мы не команда, а маршевая рота. Всё понятно? – и, обернувшись к своим сержантам, – командуйте!

Сержант постарше и поменьше ростом зычно скомандовал:

– Направо, шагом марш!

Сержант помоложе оказался впереди колонны, маршевая рота нестройными рядами покинула территорию Калининского военкомата.

До Москвы доехали быстро. В электричке вели себя довольно прилично, заняв целиком первый вагон. Тем более что сержанты перекрыли своим присутствием вход и выход. Особо нетерпеливые начали вскрывать выданный сухой паёк – не потому, что голодные, а так, из любопытства. В пайке оказалось по пачке галет и три банки без этикеток. Узнать о содержимом пришлось путём вскрытия. У кого-то нашёлся нож, и дело пошло. В двух банках была каша неизвестного названия, то ли рис, то ли перловка, а вот в третьей, чему все от души обрадовались, – сгущёнка. Увидев такое богатство, Мишка Косарев засиял, как труба, на которой всем предстояло играть.

– Ничего себе, хорошо музыкантов кормят, – забасил он, – это что же, каждый день будут сгущёнку давать, так служить я согласен, хоть сколько.

– А ты думал, – обрадовался Воробей, – музыканты – это не пехота какая-нибудь, даже не ракетчики, – бросил на Саню ехидный взгляд, – им наверняка особый паёк положен, они вон на парадах, всегда впереди.

Воробей был важный, его назначили командиром одного из десяти отделений маршевой роты, даже в росте как будто подтянулся и пытался командовать, правда, по привычке больше балаболит. Волошин в этот раз в начальники не попал, его знания в военной области пока были не востребованы.

– Ребята, я свою сгущёнку сейчас съем, – решил Косарев, – как приедем, нам же ещё дадут, ну, накормят уж точно, что её жалеть, раз особый паёк будет.

– Давай побережём, – попытался Саня отговорить товарища, – неизвестно, когда приедем, майор сказал, от Москвы ещё куда-то.

Да и к сгущёнке, в отличие от большинства, Саня почему-то был равнодушен.

– Куда от Москвы-то? – не согласился Мишка. – Все парады в Москве.

– Ну, может, в Подмоскovie куда, – поддержал товарища Воробей, – не сразу же на парад, подучить сперва должны, на трубах-барабанах играть, – но отговаривать Косарева от съедения сгушёнки не стал, и тот отправился в очередь за ножом.

В Москву приехали вечером, с Ленинградского вокзала перешли на Ярославский и заняли воинский зал. Майор оставил с командой молодого сержанта, наказав никому никуда не отлучаться, а сам с другим сержантом, постарше, ушёл.

Призывники сидели без дела, обсуждали перспективы будущей службы, кто-то хрустел галетами, продолжая уничтожать паёк, кто-то начал дремать. Воробей же, покрутившись по залу, подсел к сержанту и о чём-то с ним разговаривал. Потом подскочил к нам, весёлый и возбуждённый, и затараторил:

– Пацаны, у кого деньги остались? Я с сержантом договорился за пирожками сбегать, сказал, что наш солдат Косарев голодный всё время, здоровый потому что.

– Пирожки – это хорошо, – оживился, задремавший было, солдат Косарев.

– Дурак ты, Мишка, какие пирожки? Вина надо купить. Привезут в казарму – всё, на два года забудь, а тут такой случай. Давайте, у кого что есть.

У Волошина осталась трёшка, Косарев вытянул из-за подкладки куртки пятёрку. Гонец схватил деньги, свой тощий рюкзак и исчез.

Появился Воробей нескоро, примерно через полчаса, мы уже забеспокоились. Показав на входе содержимое рюкзака сержанту, он с деловым видом подсел к нам. По довольной морде было понятно, что поход удался.

– Ну? – Косарев смотрел с надеждой на гонца. – Купил?

Воробей, не торопясь, раскрыл рюкзак и достал пакет пирожков.

– И всё? – в один голос не поняли приятели.

Воробей так же, не спеша, расстегнул среднюю пуговицу фуфайки и показал глазами торчащую за поясом бутылку беленькой.

– Со мной не пропадёшь, – авторитетно заявил добытчик, – у таксиста купил, все деньги отдал и свой паёк, – сколько всех денег было отдано, он уточнять не стал.

– Давай тогда, что ли, – предложил Мишка.

– Что давай? – как хозяин положения, Воробей диктовал условия. – В поезде выпьем.

– Ты откуда знаешь, что поездом ещё поедим? – не унимался Косарев.

– Не, Мишка, ну ты вообще, а что думаешь, нас на вокзале просто так держат второй час? Я даже знаю, куда поедим – в сторону Ярославля, а может, и в Ярославль, у таксиста спросил, куда отсюда поезда едут.

– А как же Москва, парады? – озадачился Мишка.

– Говорю же тебе, подучить сперва должны, куда тебя, медведя необученного, на парад? Там строим нужно, не просто так, вот в Ярославле и подучат, – Воробей знал всё.

– Тогда давайте пирожков поедим, – не унимался здоровяк.

– Каких пирожков? – командир отделения подпрыгнул. – А закусывать чем будешь? Свой-то паёк умял, я таксисту отдал, пирожки на закуску, – тоном, не терпящим возражений, закончил Воробей.

Между тем суета и разговоры компании привлекли внимание сослуживцев, к ним потянулись с расспросами. Воробей по доброте, но с чувством превосходства, объяснял неопытным деревенским, как и, главное, где достать. Толпа жаждущих немедленно подкрепиться пирожками направилась к сержанту. Тот немного посомневался, но посмотрев на часы, дал добро

– Внимание, желающие купить пирожки сдают деньги командиру своего отделения, командиры закупают кому что нужно, на всё про всё двадцать минут.

Народ засуетился, мятые рубли и трёшки спешно переходили командирам, и те на скорости стартовали из воинского зала. В двадцать минут, похоже, уложились и, довольные, похваставшись перед сержантом пирожками, уселись на скамейки ждать дальше.

Долго ждать не пришлось, появился толстый майор-музыкант со вторым сержантом и скомандовал:

– На выход!

Оба начальника были в хорошем настроении, похоже, плотно поужинали, и не только котлетами. Маршевая рота вышла на перрон и после коротких переговоров майора с проводницей загрузилась в первый вагон. Воробей успел поинтересоваться, даже, скорее, самоутвердиться в своей осведомлённости:

– В Ярославль едем, тётянка?

– В Ярославль, племянничек, – хохотнула проводница.

Путь маршевой роты в музыкальные войска продолжался.

В поезде было хорошо, тепло и уютно, тем более, что рассадили призывников по десять человек в купе. Сэкономили на перевозке, или по каким-другим причинам, никого не интересовало, до Ярославля рукой подать, чего волноваться. Наиболее предусмотрительные, особенно из тех, кто до таксистов не добрался, заняли вторые и третьи полки. Кто к таксистам сбегал, забираться наверх не торопились, надо же ещё и выпить успеть, как там будет в армии, неизвестно.

Компания приятелей, благодаря шустрому Воробью, заняли отличные места у столика. Поезд тронулся, будущие музыканты начали доставать припасы, у кого что есть, открывать банки сухого пайка, кто съесть не успел и на водку не выменял, потихоньку, тайно откупоривать спиртное. С посудой было сложно, на всё купе нашлась одна ложка, одна кружка, но, главное, был нож, который, правда, тут же попросили соседи. Воробей был на разливе и, помня глоток Мишки Косарева величиной в пол-литра, ему хоть и плеснул первому, но совсем немного. А великан вдруг неожиданно заявил:

– Да я как-то к водке не очень, портвейну бы, или плодово-ягодного, а водка – гадость, не люблю я.

Волошину, водки тоже не хотелось, он, конечно, пил раньше, даже несколько раз, но тут был согласен с Косаревым, гадость ещё та, портвейн несравненно лучше.

– Вы чего, ребята, я для кого старался, паёк отдал, деньги опять же, – возмутился Воробей, – да и случай какой, в армию едем, можно сказать, последняя выпивка по гражданки.

– Ладно, – Мишка махнул, не поморщившись, и запихнул в рот один за другим два пирожка.

– На закуску не налегай, – предостерег разливающий, – только начали, – и протянул на дне кружки Сане.

Проглотив водку, тот попытался зацепить каши из банки, но ничего не получилось, ложка погнулась, а на каше только царапина, закусил пирожком.

– Дай, – пришёл на помощь Мишка и начал старательно царапать из банки, – разогреть бы.

– Ага, костерок запалить, – пошутил сосед по купе, Вован с Максатихи.

Воробей плеснул и протянул Вовану:

– Будешь?

– А что нет, – тот взял угощение, – беленькая – вещь, батя всегда говорит, что лучше беленькой, чем бормоты.

Но выпить Вован не успел, по вагону пошли сержанты, и кружка была спрятана за спину, а все начали старательно жевать пирожки, запивая лимонадом «Буратино».

– Ну как, бойцы? – интересовался сержант, заглядывая по очереди в купе. – Расположились? Можете поспать, приедем нескоро.

– Как нескоро? – озадачился Воробей. – До Ярославля рядом.
– Нам подальше немного, – обрадовал сержант.
– Куда подальше-то? Говорили, в Москве будем служить, а всё куда-то подальше. Скажите, пожалуйста, куда всё-таки везёте? – влез Вован из Максатихи.
– Пока до Вологды.
– Опа, это где же такое? – свесился с полки лохматый парень по имени Славка.
– Ты чего, не знаешь, что ли? – подключился всё знающий Воробей. – В Белоруссии, конечно, «Песняры» поют, Вологда-гда, там ещё палисадник резной.

Сержанты пошли по вагону дальше, а в купе загудели. Славка и ещё один с полки, с Воробьём не согласились насчёт Белоруссии, но где эта Вологда, сами точно не знали. Волошин тоже напряг все свои познания в географии, но вспомнить что-то про Вологду не смог, в голове упорно закрутилась песня «Песняров» с резным палисадом, о местонахождения города в которой не говорилось. Спокойно отнёсся к новости только Мишка Косарев, он научился добывать кашу из банки и умял уже штук пять.

Постепенно страсти улеглись, так как Воробей приступил к раздаче, а вслед за первой бутылкой водки появилась и вторая. На верхних полках засопели в молодецком сне, внизу тоже начали клевать, и скоро все спали, попадав головами на плечи товарищей.

Волошин проснулся от того, что Мишка Косарев навалился на него всей своей многокилограммовой массой. К тому же от выпитой водки во рту было пакостно и хотелось пить. Отодвинув здорового соседа, он вылез из-за столика и попытался найти лимонад, но вся посуда была пустой. Взяв кружку, отправился за водой. В голове снова возникла песня про Вологду. Да где же она, вспомнить никак не удавалось, хотя бы примерно. Из купе проводников вышла заспанная тётка и отправилась в тамбур.

– Во, надо спросить у проводницы, – пришла в голову спасительная мысль и Саня вышел вслед за тёткой.

– Скажите, пожалуйста, – вежливо обратился к проводнице, – а Вологда скоро?

– Часа два, как проехали, – не глядя на пассажира, буркнула та.

В голове перемешалось, что может быть ещё дальше Вологды, как-то не вырисовывалось.

– А куда поезд-то идёт? – нашёл Волошин правильный вопрос.

– Куда-куда, – забубнила тётка, как будто он должен был это знать, – в Архангельск, конечно.

В Санином мозгу всплыли великие познания, слово «Архангельск» он знал. Это где-то рядом с Мурманском и связано с белой интервенцией, старинным танком на огромных гусеницах и кораблями, на которых приплыли интервенты.

– А приедем скоро? – попытался он вызнать как можно больше.

– Вы скоро, – неопределённо ответила проводница и стала возиться с углём, не проявляя к нему никакого интереса.

Набрав в кружку тёплой воды, выпил залпом, набрал ещё. Пробираясь по вагону к своему купе, пытался выстроить логическую цепочку из полученной информации. Что-то не выстраивалось, мешало, как надоедливая заноза, не выходило цепочки и всё.

На месте, где Волошин раньше сидел, развалился Косарев, привалившись на него, спал Вован. На соседнем сидении трое – свернувшийся в клубок Воробей и два пацана из Ржева. Даже сесть негде. Стоя в проходе, прихлёбывая тёплый кипяток, Саня размышлял. И вдруг вспышка и озарение, он нашёл нестыковку

– Зачем в каком-то Архангельске целый вагон музыкантов? Что им там делать, кому играть? – От таких мыслей мозг стал жидким, а по спине пробежали мурашки. Где-то их обманули, может, покупатели и не музыканты вовсе, а переделались специально, чтобы их заманить? А зачем, кому они понадобились, кому нужны обычные деревенские призывники? Ерунда какая-то получается, надо будить Воробья.

– Саня, Воробей, – сначала потихоньку, а потом сильнее Волошин тряс товарища, – да просыпайся ты, придурок.

Проснулись ржевские:

– Чего случилось, выходим?

– Да нет пока, новости есть, Воробья надо поднять.

Всеобщими усилиями подняли.

– Попить есть чего? – первым делом поинтересовался тот, всё-таки водки они с Вованом хватанули изрядно.

– Какое попить, – Саня протянул кружку с остатками кипятка, – ты знаешь, куда нас везут?

– Чего? – не приходил в разум товарищ.

– Чего-чего, в Архангельск везут.

– Куда? – в глазах Воробья начало проскальзывать сознание.

– В Архангельск, проводница сказала, – поделился Волошин знаниями. – Ты знаешь, где это?

– Пацаны, – сон слетел с Воробья вместе с похмельем, – это же край земли, Ледовитый океан и белые медведи. Там вроде подводные лодки есть и холодно, – начал вспоминать всё, что знал из школьной программы и телевизора Воробей..

– Так мы что, в подводники? – вылупили глаза ржевские.

– Ты же говорил, в музыканты, – смотрел на меня не добро приятель.

– Я говорил, что покупатели музыканты, так оно так и есть. Да они и сами подтвердили, лиры в петлицах, опять же. Это ты говорил – парады на Красной площади, по телику выступления... А теперь что, кому парады, белым медведям?

Все затихли, что происходит, никто не понимал.

– Может, идти к майору? – неуверенно предложил один из ржевских. – Как-то не хочется в подводники, да и к белым медведям тоже.

– Поздно, чего уж теперь, раньше надо было думать, когда в музыканты все идти обрадовались, – с отрешением проговорил Воробей.

Идти никуда не пришлось, в вагоне возникло движение, и голос сержанта прокричал:

– Подъём, бойцы, готовимся к выходу, через полчаса прибываем.

Через полчаса поезд остановился, и призывники начали выскакивать из вагона. Все уже знали, что привезли их в Архангельск. На улице был страшный холод, темно и огромные сугробы. Вид «Архангельска» произвёл на всех удручающее впечатление. Маленький деревянный вокзал с тёмными окнами, пара фонарей и несколько избушек вдали.

– Ни хрена себе, – протянул Мишка Косарев, – наш полустанок больше.

– Товарищ майор, – обратился кто-то к старшему, – это Архангельск?

– Нет, это станция Ерцево, Архангельск дальше.

Команда построилась и пошла куда-то между сугробами, превышающими рост человека. Вдруг вдали показались ровные ряды фонарей. Народ оживился.

– Вон, смотри, улицы, значит, жизнь есть, – обрадовался кто-то.

Но, подойдя ближе, все увидели, что за улицы они приняли высокие заборы с фонарями, с вышками и колючей проволокой. На вышках маячили автоматчики.

– А зачем здесь нужно столько музыкантов? – задал уже глупый вопрос длинный парень, идущий впереди.

– Как зачем? – искренне удивился майор. – Вон, смотри, видишь, солдатики на вышках все как один с балалайками?

Он, а вместе с ним и сержанты, громко засмеялись удачной шутке. Больше почему-то никому смешно не было.

Так закончился славный путь в музыканты Сани Волошина и его новых друзей, и началась служба в конвойных частях внутренних войск.

Записки вертухая. Шнырь

Шнырь* ШИЗО** Толик Головин, человеком был уникальным во всех отношениях. Взять хотя бы то, что шнырил он уже более половины своего восьмилетнего срока. А это говорит о многом. Находиться на такой ответственной должности столько времени, уже само по себе уникальность. Не в больнице, в конце концов, санитаром работает, где принёс-отнёс, прибрал-помыл и порядок. Быть шнырём, да ещё в ШИЗО, тут особый дар нужен, в первую очередь хитрость невероятная, чуткость и понимание текущего момента, изворотливость и покладистость. Нужно быть, как минимум, психологом высокого уровня.

Вот подумать, можно ли на такую тёплую должность попасть без протекции кума***? Нет, конечно. Значит с кумом надо дружить. А в чём может дружба заключаться? Понятно в работе. Да не лишь бы что, кум ведь тоже не дурак, пустышкой его не заинтересуешь, результативной должна быть работа, эффективной. Иначе быстро пойдёшь в лесозаготовительную бригаду, ёлки валить, или на погрузку, шпалы таскать. После тёплого места у печки, такая работа смерти подобна. Значит, умел Толик с кумом ладить, раз столько лет в шнырях грелся.

Другую сторону взять. Долго ли на зоне протянешь, если с авторитетами не ладить, маляву**** кому надо не передать, табачку-заварочку в камеру, нужному человеку. Опять ответ ясен, долго не протянуть. Настучат по голове, да так настучат, что ни на что эта голова больше не пригодится, или шкуру испортят, возможно, в нескольких местах сразу. А раз шкура у Головина цела, и голова пока на месте, значит и с авторитетами он ладить умеет.

Ну и фактор менее важный, но тоже не на последнем месте. Дежурные контролёры-надзиратели, разные все, меняются, по сменам заступают. И с каждым надо общий язык найти, показать свою нужность, и даже незаменимость. Напишут, чего доброго рапорт, за какое нарушение, и окажешься в камере в роли сидельца, а дальше опять, или ёлки в лесу, или шпалы на погрузке. Вот и попробуй удержаться на должности долгое время. Толик Головин держался, значит, устраивал всех и человеком был уникальным.

Вчерашний солдат, а теперь прапорщик-контролёр, Сашка Лыков, службу только начал. Всё ему было интересно, да и поговорить любил, поспрашивать, опыта так набирался. В ШИЗО разговаривать с осуждёнными запрещено, только по делу и по службе, иначе нарушение. Сутки напролёт одному без собеседника, скучно невероятно. По этому, наличие, шныря Толика, было для Сашки огромным плюсом. К тому же и Головин рассказчиком был, каких мало. Ну, прямо кладёзь уголовной, да и просто житейской мудрости. И хотя понимал молодой прапорщик, наученный замполитом и старшими товарищами, что верить осуждённым нельзя, но слушал шныря с интересом и даже с удовольствием.

Начиналось примерно так:

– Головин, тебя за что посадили?

– А вот не поверишь, гражданин начальник, ни за что сижу.

– Так уж и ни за что, четвёртый раз?

– Нет, с точки зрения уголовного права, статью мне конечно подобрали. А вот если по совести, то вопрос спорный. Я ведь худа никому никогда не делал, не убивал никого, не хулиганил, даже не воровал. Мне граждане деньги отдавали сами, можно сказать по доброй воле и с благодарностью. Хотя первый раз сел я ещё по малолетству, за дело. За доброе конечно, но за дело. Мы с ребятами, в детдоме, кабинет директорши подломили. Она подарки там новогодние спрятала, а мы взломали дверь, подарки взяли, да и раздали всем. Отмеряли мне тогда пятёрочку, за доброту, кража со взломом. Отсидел я, вышел и решил попутешествовать, посмотреть великую нашу Родину, города разные. Молодой был любопытный. Работать пробовал, где грузчиком, где носильщиком, специальности то не было.

Однажды познакомился я с хорошим человеком, ювелиром. Великий можно сказать человек, художник, руки золотые. Такие вещи из рандоли выдeldывал, от золота не отличить, даже пробу ставил. А из бутылочного стекла, настоящие изумруды шлифовал, вот мастер, так мастер. В то время, надо сказать, в ювелирных магазинах товару было не густо, ширпотреб в основном, простенькие изделия. А тут такой специалист, произведения искусства вытворял, и с виду представительный мужик, интеллигентный.

Работали мы с ним так. Захожу в ювелирный магазин, присматриваюсь к покупателям. Примечаю даму, одета хорошо, ухожена, сразу видно, деньги водятся, перстни рассматривает. Подхожу и тоже рассматриваю, и как будто между делом, сам с собой говорю:

– Да, ничего интересного нет, для настоящего ценителя и купить нечего, побрякушки для рабочего класса и трудового крестьянства. Надо опять к директору зайти.

Смотрю, напряглась дама, заинтересовалась, а я отхожу потихоньку. Она за мной:

– Молодой человек, а Вы знакомы с директором?

– Конечно, – небрежно отвечаю, – он друг моего отца, в гостях у нас часто, мама у него иногда покупает вещи, которые в продажу не поступают.

– Ой, а Вы не могли бы меня познакомить, мне так нужно купить подарок для родственницы, а тут, правда, выбрать нечего.

– Ну, не знаю, – начинаю ломаться, для порядка, – как то неудобно, он человек солидный, занятый.

– Вы же всё равно к нему собрались, представьте меня, как свою знакомую, я в долгу не останусь.

– Ладно, – соглашаюсь нехотя, – пойдёмте, что с Вами поделаешь, помогу.

Обходим мы с дамой магазин, и в подъезд, с обратной стороны дома, якобы там, у директора кабинет. А навстречу нам друг мой, ювелир. В шляпе, с тростью, вылитый директор, с портфелем. Я ему:

– Здравствуйте, Иосиф Абрамович, а мы к Вам вот, по делу.

Он важный, торопится:

– Извини, Толик, некогда мне сейчас, в обком тороплюсь, перстень шикарный поступил, надо второму секретарю показать, для жены просил.

Даму в дрожь бросает, как про перстень услышала:

– Иосиф Абрамович, спасите-помогите, очень перстень нужен, никаких денег не пожалею, будьте столь добры, покажите.

Уговаривает, в общем, она ювелира, и достаёт он из портфеля, шикарный рандолевый перстень, с зелёным, бутылочным стеклом-изумрудом. Ну а дальше, дама отдаёт огромную сумму, с благодарностью и со слезами счастья и становится обладательницей настоящего произведения искусств.

– Два срока с ювелиром мы получили, за то, что делали людей счастливыми, хотя бы на время. – Заканчивает свой рассказ Головин.

– Да уж, – Сашка под впечатлением от рассказа. – Где же вы таких простаков находили? Что бы за поддельное кольцо, с бутылочным стеклом, отдавать не малые деньги?

– Эх, гражданин начальник, кольцо то поддельное, конечно, но сделано мастерски. А тех, кто готов деньги отдать, на самом деле много, они сами находятся. И отдают добровольно, и даже с удовольствием, а мне за это срок, где же справедливость? Ведь не убил никого, не покалечил, даже не украл.

Такой вот уникальный человек, Толик Головин, работал шнырём в ШИЗО.

*Шнырь – дневальный.

**ШИЗО – штрафной изолятор.

***Кум – оперативный работник, начальник оперчасти.

****Малява – письмо, записка.

Старики

Рядом с подразделением, прямо за забором, располагалось подсобное хозяйство. Содержался там конь, используемый на всякие хозяйственные нужды, да десяток свиноматок с приплодом. Приплод подрастал и забивался, что было, какой-то прибавкой к солдатскому столу, и хорошим подспорьем в пайках офицеров и прапорщиков.

Числилось подсобное хозяйство, как ему и положено, в ведомстве старшины роты, а всю работу на свинарнике исполнял солдатик, по имени Слава Журавлёв. На должность свинаря Слава попал сразу по прибытии в подразделение. Во-первых, по медицинским показаниям, оружие солдату Журавлёву давать не рекомендовалось, в виду лёгкой степени дебилности, ну, а во-вторых, видно было и без медицины, что интеллектом новобранец не отличался. А вот на свинарнике он прошёлся в пору, обязанности по производству мяса выполнял добросовестно и честно. Кормил свиней во время, чистил и выскребал стаи ответственно, с молодняком нянчился, как с детьми, корм варил и запаривал, на расположенной в свинарнике печке на совесть. В общем, претензий к солдату Славе Журавлёву не было не у кого, а старшина, так в нём души не чаял.

Случилось всё из-за печки, вернее из-за её неисправности. Обратился как то под осень свинарь, к своему непосредственному руководителю, старшине. Печка, мол, совсем прохудилась, не топится, дымит, да и вообще разваливается, от чего готовить нормальную пищу, для поросячьего поголовья, становится не возможно. Старшина лично прибыл на свинарник, осмотр печки произвёл, и убедился, что подчинённый, не смотря на свою лёгкую дебилность, в данном случае прав. Печка и правда, требует большого ремонта, а лучше полной переделки.

Как и положено, в воинском коллективе, старшина доложил о проблеме командиру роты. Тот, соответственно обратился за помощью к начальнику колонии, которую данное подразделение охраняло:

«Прошу выделить двоих осуждённых, знакомых с печным делом, сроком на один месяц, для строительства новой печки на подсобном хозяйстве подразделения».

У начальника колонии, конечно, своих проблем выше крыши. План производственный, режим, воспитание-перевоспитание контингента. Но и охране помогать надо, никуда не денешься. Изыскали возможность, двух печников назначили и военным предоставили.

Впечатление от внешнего вида мастеров было не очень. Худые, не бритые, еле ноги волочат, но делать нечего, и на том спасибо. Создали, из внутреннего наряда караул, в составе двух бойцов, которым вменялось в обязанность, забирать утром из колонии печников, приводить на свинарник и охранять.

Как бы оно не было, работа началась. Во дворе свинарника сложили маленькую печку-временку, что бы готовить свиньям еду, пока новая печка в стадии возведения, и приступили к разбору старой, пришедшей в негодность. Работали печники не шатко – не валко, да и что с них взять, доходяги. Но, тем не менее, за неделю старую развалюху разобрали, пригодный кирпич почистили и сложили штабелем, место под новую печку подготовили. Кормились мастера от солдатской столовой, повар, глядя на их жалкий вид, не жался, порции накладывал от души, иногда и консервов каких подкидывал, всё же доброе дело делают. Солдатики прозвали печников «стариками», исходя из внешнего вида и медлительности передвижения.

Через недельку, руководство решило, что держать конвой из двух солдат, для охраны таких доходяг большая роскошь, и оставили охранять одного. А ещё через неделю подумали, что и один ни к чему, куда они денутся, еле ползают, и возложили почётную обязанность по охране и конвоированию «стариков», на солдата-свинаря Славу Журавлёва.

Так и повелось, утром Слава шёл в колонию, забирал мастеров, и вёл на свинарник. В обед они сами, со своими котелками отправлялись на кухню, а вечером Журавлёв отводил

их обратно. Днём же, каждый занимался своим делом, свинарь кормил подопечных, чистил, варил, опять кормил. Печники мастерили новую печку. Старшина, время от времени контролировал процесс, сроками и темпами был доволен, нареканий не было.

Но однажды, на вечерней поверке, молодой лейтенант, командир взвода, заинтересовался, почему отсутствует рядовой Журавлёв. Дежурный по роте сержант, привычно пояснил, что Журавлёв свинарь, и часто остаётся ночевать на своём рабочем месте. Тем более, сегодня, вроде как, должны запустить новую печку, и свинарь в казарму ночевать, наверное, не пошёл. Лейтенант упёрся, подайте ему отсутствующего солдата, и всё тут. Отправили дневального и тот, в скором времени, привёл заспанного солдата Журавлёва к лейтенанту.

– Ты почему отсутствуешь на вечерней поверке? – Наехал командир на свинаря.

– Так работы много, товарищ лейтенант, накорми всех, три раза, почисти, прибери. Да ещё я, начальник караула, у печников. – Гордо поведал солдат.

– Ладно, – смягчился взводный, видя искренность Журавлёва, – осуждённых то сдал, нормально всё?

– Не, я их сегодня не водил, наверное, сами ушли, печку то закончили, – откровенно поведал начальник караула.

В груди у лейтенанта начало холодеть:

– Как не водил, как сами ушли?

– Да я их уже отправлял так, куда они денутся, доходяги.

Взводный кинулся к телефону. Через пять минут выяснилось, что в зону печники не явились, начался переполох. Не понимая, что за шум, Журавлёв постоял ещё немного, но поняв, что похоже он никому больше не нужен, отправился дальше спать на свой свинарник, к тёплой печке.

Поспать свинарю не удалось. Через полчаса, все офицеры и прапорщики были подняты по тревоге, на свинарник прибыла группа во главе со старшиной и инструктором со служебной собакой, Журавлёва отвели к ротному в канцелярию, начался розыск «стариков». В течение нескольких минут все группы отправили по вероятным направлениям побега. Умная служебная собака, сразу поняв, что от неё требуется, бодро взяла след от свинарника и уверенно повела розыскников к железной дороге. Но пробежав по железке, в хорошем темпе, километров пять, вдруг виновато заскулила и завияляла хвостом, показывая, что дальше следа нет. Инструктор, сделав всё, что требуется, в виде обрезки местности, доложил старшине, что дальше следа нет.

К утру, поняв, что первоначальные меры результата не принесли, доложили в полк. К девяти часам, из оперативной части колонии, принесли ориентировки на беглецов. Прочитав ориентировки, командир роты сообразил, что в его служебной карьере образовалась большая трещина, если не полная пропасть. Из текста следовало, что осуждены оба «старика» за умышленное убийство, что старшему из них тридцать четыре года, а младшему тридцать два, что сидеть им ещё более, чем по десять лет, и что имеют они по четыре судимости каждый.

К обеду из штаба полка приехала комиссия, которая отстранила командира от командования ротой. К вечеру часть комиссии убыла, забрав с собой старшину и рядового Славу Журавлёва.

Интенсивный розыск шёл неделю, но результата не дал. Затем мероприятия пошли на убыль, работал дальний розыск по родственникам и знакомым, да несколько групп на близлежащих станциях и вокзалах.

По разбору происшествия командир роты был снят с должности с понижением, старшина уволен, молодой лейтенант, ответственный по подразделению в тот день, отделался строгим выговором. Рядовой Журавлёв отсидел десять суток на полковой гауптвахте, и был переведён в другое подразделение.

Беглецов поймали через два месяца, при ограблении сельского магазина в другой области. Им добавили срок и отправили в колонию особого режима. Но до подразделения, где печники делали печку, дошли интересные слухи. Оказалось, что сразу «старики» никуда и не убежали. А ещё десять дней сидели на чердаке свинарника, где они сделали себе у построенной ими же печки, вполне приличную комнатку. Туда они притащили даже матрацы, а так же неплохо запаслись продуктами от доброго солдата-повара.

Три письма

Началась история с одного странного для замполита Волошина письма. И странного даже не по форме и содержанию, а по адресу. Адресовано письмо было замполиту воинской части, но с литером, то есть с буквой, означающем конкретное подразделение, потому и попало к Волошину, тогда совсем ещё зелёному, молодому политработнику.

К замполиту обращалась мать солдата, не с просьбой, не с претензиями, не с какими-то пожеланиями или предложениями, а практически с письмом-исповедью. Мать, скорее всего не представляла, что попадёт письмо к такому же пацану, ну на пару-тройку лет старше её сына, возможно думала, что замполит умудрённый опытом, седой ветеран, знающий ответы на всё. А возможно и не думала, просто поделилась своими переживаниями.

Начиналось письмо обычно: «Здравствуйте товарищ замполит. В вашей части служит мой сын, Юра Юдин. Он мне давно не пишет и я очень за него волнуюсь, всё ли у него хорошо, сыт ли он, тепло ли одевается, не болеет ли, в детстве он часто болел простудами и ангиной. Он ведь у меня очень слабенький, не обижает ли его кто, говорят в армии, кто дольше служит, обижают новичков и даже бьют, а он за себя постоять не может, потому что добрый и драться не умеет. Присмотрите за ним, товарищ замполит, я хотела приехать, проведать Юру, но это очень далеко и дорого. Очень вас прошу, он у меня один, вся моя надежда и смысл жизни».

А дальше, на шести страницах, правильным ученическим почерком, мать Юры рассказывала свою жизнь. Как погиб на фронте отец, и они четыре сестры остались с мамой. Как она, будучи из сестёр старшей во всём старалась маме помочь, работала в колхозе, зарабатывая трудодни, помогала на огороде, что б что-то вырастить. Как голодали в войну и после, как уехала в пятнадцать лет в город и устроилась на макаронную фабрику, потому что там был бесплатный обед и общежитие. Всё что зарабатывала, отправляла домой, сёстры учились в школе, а жизнь была трудная. Потом помогала сёстрам дальше, в городе. Как умерла мама и она доразвивала младшую и получила в то время комнату в бараке, а к комнате две сотки огорода, чему была несказанно рада. Как поняв, к сорока годам, что замуж ей не выйти, родила Юру.

Дальше рассказывала про Юру. Какой он был добрый и хороший мальчик, помогал ей по дому и в огороде. Как много болел в детстве, а позволить себе больничный она не могла, надо было работать. Как устроилась на пол ставки уборщицей, в канторе своей же фабрики, когда Юра пошёл в школу, потому что надо было одеть-обуть, а денег не хватало, тридцать рублей за уборку конторы было большое подспорье. Юра учился хорошо, тройки были только потому, что опять же часто болел и пропускал занятия, но учителя его всегда хвалили, смыслённый и послушный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.